

«Оползень Опояза»: Образ оползня в работах формалистов

Генрих Киришбаум

Терминологическая точность никогда не была главной добродетелью формалистов. Термины опоязовцев принципиально временны; это те строительные леса, понятийные протезы, которые, выполнив свою функцию, снимаются.¹ Тем важнее для их понимания становится контекст употребления каждого конкретного термина. В работах формалистов у образа-термина «оползень» — своя полувековая разножанровая история от научно-критических откликов Ю.Н. Тынянова на современную литературу (1924) до мемуарных реконструкций «оползня Опояза» конца 1920-х годов в воспоминаниях Р.О. Якобсона (1974). Пик употребления образа, в том числе и в форме «оползень нормы» (или «оползень норм»), взятого в подзаголовок проекта *The Landslide of the Norm* («Оползень нормы»), при-

1 Ср. соображения О. Аронсона о принципиальной нечеткости формалистских понятий (О. Аронзон, 1996, «„Самая главная наша проблема — у нас нет предмета речи“: Философия филологии. Круглый стол»; *Новое Литературное Обозрение* 17, с. 66–71; с. 67), видимо, восходящие к ретроспективной статье Эйхенбаума «Теория формального метода», в которой Эйхенбаум, иронизируя и деконструируя название своей статьи, показывает принципиальную нетеоретичность и а(нти)методичность литературоведческой школы, по несчастливой случайности получившей название формализма. Терминологическим метафорам у Тынянова была посвящена обстоятельная работа Клааса-Хинриха Элерса (Klaas-Hinrich Ehlers, 1992, *Das dynamische System: Zur Entwicklung von Begriff und Metaphorik des Systems bei Jurij Tynjanov*, Frankfurt), к сожалению, до сих пор недостаточно вошедшая в научный оборот (русскоязычного) опоязоведения. Образ-понятие оползня в работе Элерса не обговаривается, по-видимому, в силу своей маргинальности для главного объекта исследования — метафорички системы.

ходится на две статьи Якобсона первой половины 1930-х гг. В настоящей статье мы намереваемся реконструировать историю употребления образа оползня в критике и самокритике формалистов и обозначить его концептуально-терминологический потенциал.

Оползень прозы (1924)

На середину 1920-х годов приходится пик критических откликов формалистов на состояние современной литературы вообще, и прозы в частности. В 1924 году выходит статья Тынянова «Литературное сегодня», в которой впервые в научно-критическом творчестве формалистов многократно употребляется термин-образ «оползня».² Разобрав поэтику склеенных осколков в прозе Федина, Шмелева, Пастернака и других, Тынянов переходит к обсуждению Пильняка:

Еще один оползень. Возьмите «Петербург» Андрея Белого, разорвите главы, хорошенько перетасуйте их, вычеркните знаки препинания, оставьте как можно меньше людей, как можно больше образов и описаний—и в результате по этому кухонному рецепту может получиться Пильняк. И ведь получится конструкция—и название этой конструкции—«кусовая» [...] В этих глыбах, брошенных одна на другую, тонет действие, захлебываются, пуская пузыри, герои [...] Пильняк—оползень; только на основе полного жанрового распада, полной жанровой неощутимости мог возникнуть этот рассыпанный на глыбы прозаик, каждая глыба которого стремится к автономии. И когда оползень хочет взобраться на устои—это ему не удастся. Последняя книга Пильняка «Повести о черном хлебе» неудачна именно потому, что в них Пильняк стремится собраться, стремиться дать повесть [...] Выход для оползня—оползть все больше—в документе, в истории, в олитературенной газете, может быть намечается этот выход для этой литературы, которая уже почти не «литература» [...] А между тем у Пильняка уже школа. Рядом с большим оползнем оползают маленькие [...].³

2 Об идейно-библиографической истории статьи «Литературное сегодня» см. подробнее: Е.А. Тоддес, А.П. Чудаков & М.О. Чудакова, 1977, «Комментарии», Ю.Н. Тынянов, 1977, *Поэтика. История литературы. Кино*, Москва, с. 397–572; с. 463–66.

3 Тынянов, 1977, с. 162–63.

Знаменательна жанровая амбивалентность тыняновской статьи вообще и связанная с ней неоднозначность образа оползня в частности. Научная дикция смешивается у Тынянова со слогом литературно-критической статьи, подразумевающим принципиальное воздействие критика на предмет обсуждения. Показательна сама риторика совета: Тынянов ищет и предлагает свой «выход для оползня». Выход подразумевает тупик, кризис литературы. Образ оползня содержит в себе семантику развала — им Тынянов описывает «жанровый распад» прозы Пильняка. Формалисты — открыватели-изобретатели антифабульного сказа — отрефлексируют сложность вопросов взаимодействия сюжета и стиля. В то же самое время Тынянов, в принципе поддерживающий десюжетизацию, недоволен как самой реализацией тенденции к бессюжетной кусковости, так и канонизацией этого приема у Пильняка и его подражателей.⁴ Напомним в данной связи, что как раз в это время Тынянов сам пробует себя в литературе, и, несмотря на весь авангардизм своего сказа, сам сюжетом жертвовать не будет — ни в «Кюхле» (1925), ни впоследствии в «Смерти Вазир-Мухтара» (1928). Тынянов в статье «Литературное сегодня» использует свою репутацию теоретика модернистской прозы для изменения ее практики.

Жанровая амбивалентность тыняновской статьи, сочетающей научную и критическую риторику, показательна для формалистского самопозиционирования в 1924 году. Знаменательна в данной связи запись дискуссии января 1924 года в дневнике Эйхенбаума: «Спорили с Замятиным, который говорил о «бесстрастии» в науке. Мы с Тыняновым доказывали ему, что пропасти между наукой и критикой теперь нет и не может быть. Дело не в бесстрастии, а в различном характере оценки».⁵ Образ-термин оползня вобрал в себя эту двунаправленность опоязовской риторики образца 1924

4 Ср. в данной связи соображение Ханзен-Леве о перепетиях опоязовской мысли, кажущихся непоследовательными. По мнению австрийского исследователя, формалистская критика была вынуждена быстро менять свои позиции, как только тенденции, которые они поддерживали критически, теоретически и практически, превращались в главенствующую норму. Ср. Аа.А. Hansen-Löve, 1978, *Der russische Formalismus: Methodologische Rekonstruktion seiner Entwicklung aus dem Prinzip der Verfremdung*, Wien, с. 515. О статье «Литературное сегодня» см. Мариэтта Чудакова, 1998, «Утопия Тынянова-критика», *Тыняновский сборник* 10, с. 388–405.

5 Цит. по Тоддес, Чудаков & Чудакова, 1977, с. 463.

года. В устах формалистов, для которых категория жанра была ключевой, замечание о «жанровой неощутимости» звучит почти приговором. Почти фельетонная «критичность» Тынянова проявляется в иронии: он сатирически обыгрывает этимологическую фигуру «оползень» — «оползать»: «Рядом с большим оползнем оползают маленькие [...]».⁶

По-видимому, образ оползня возник у Тынянова из дальнейшего развертывания его метафоры «склона [литературного] течения»,⁷ о котором он говорит незадолго до появления образа оползня. Соедините «склон» с «течением» и вы получите своего рода оползень-обвал, селевой поток повествовательных глыб. Оползень предполагает то, что оползает: по Тынянову, у Пильняка расшатываются границы-нормы литературности, они оползают, распадаясь на самодостаточные и самодовлеющие жанровые куски. Образность оползня неслучайно соприкасается с геологической метафорикой смежных статей Тынянова. В статье «Промежуток» (1924) Тынянов говорит о «геологическом сдвиге».⁸ Образ оползня с его метафорическими ресурсами сползания, крена, деформации также пересекается с концептами сдвига и смещения, сформулированными все в том же 1924 году в статье «Литературный факт». Но в отличие от «сдвига» и «смещения», «оползень» оползает сам по себе, а не по воле автора. Вспомним в данной связи тыняновский пафос динамической системы, сформулированный по ходу любимого Тыняновым противопоставления статики и динамики. Образ оползня оказывается своего рода автопародией на динамику, это не динамика сама по себе, а развал статики, ее самооползание. Пассивность оползня (авто-)пародирует и деконструирует программный активный конструктивизм искусства 1920-х годов вообще и формалистских концепций сдвига и смещения в частности.

Оползень Опояза (1928)

Помимо имплицитного осуждения жанрового оползня и амбивалентности оползневой метафорики, для истории применения обра-

6 Не исключено, что в формировании негативного ореола «оползня» свою роль сыграли и играют не только многочисленные дериваты от глагола «ползти» (ср. «поползновения» и др.), но и паронимические соприкосновения со словами типа «прихвостень», «слизень» и др.

7 Тынянов, 1977, с. 161.

8 Тынянов, 1977, с. 176.

за важен сам факт авторства Тынянова. Так, в мемуарной заметке 1974 года «Юрий Тынянов в Праге», касающейся встречи Тынянова и Якобсона в Праге в декабре 1928 года, Роман Якобсон пишет:

В своих пражских размышлениях вслух Тынянов безошибочно учел и взвесил все факторы глубокого кризиса, переживаемого Опязом и отразившего общее состояние русской науки о литературе. Помимо обострившихся и грозящих дальнейшим обострением помех извне, он четко опознавал и с безжалостной строгостью вскрывал внутренние симптомы стагнации и упадка. Становилось ясней и ясней, что при всей новизне и ценности индивидуальных творческих вспышек общий оползень Опяза, т.е. рост сепаратных, механистических операций пресловутою «суммой приемов», препятствует необходимому перерождению формального анализа в целостный, структурный охват языка и литературы. Неприемлем подмен такого перехода академической описью форм или капитулянтскими попытками компромисса с вульгарным социологизмом.⁹

Формула «оползень Опяза» появляется в абзаце, передающем косвенную речь Тынянова вообще и разговоры Тынянова с Якобсоном в частности. По-видимому, именно от Тынянова Якобсон и перенял образ оползня. Напомним, что тыняновско-якобсоновская утопия нового Опяза возникает в момент внутреннего раскола движения: Жирмунский и Томашевский уходят в академизм, а Эйхенбаум занимается проблемой литературного быта, с точки зрения Тынянова и Якобсона, еретичной из-за своих методологических уступок социологии.¹⁰

Если статью Тынянова «Литературное сегодня» можно отнести к литературной критике, то в мемуарном тексте Якобсона это уже

9 Р. Якобсон, 1999, «Юрий Тынянов в Праге», Роман Якобсон: *Тексты, документы, исследования*, под ред. Х. Барана, Москва, с. 58–64; с. 60–61.

10 Место Эйхенбаума в опязовской тройке и должен был занять Якобсон. Ср. письмо Шкловского Якобсону от 6.02.1929, написанное по горячим следам пражских проектов: «Опяз—это всегда трое» (цит. по А.Ю. Галушкин, ред. 1999, «Виктор Шкловский и Роман Якобсон: Переписка (1922–1956)», Роман Якобсон, *Тексты, документы, исследования*, под ред. Х. Барана, Москва, с. 104–135; с. 128). О несостоявшемся возрождении Опяза см. также: Тоддес, Чудаков & Чудакова, 1977, с. 530–34.

не критика литературы, а критика науки о литературе. Произошло расширение радиуса действия метафоры: образ оползня отныне связывается с Оползнем; им описывается уже не литература, а литературоведение; из критики образ-термин переходит в саморефлексию. Именно этот момент цеховой (само-)критики впоследствии проявится в статьях Якобсона 1930-х годов. Косвенно саморефлексивность в употреблении образа оползня конца 1920-х годов указывает и на его автопародийный потенциал в статье «Литературное сегодня».

Критикуемый Тыняновым-Якобсоном «рост сепаратных, механистических операций» в формализме 1920-х годов параллелен и соприроден кусковости Пильняка, описанной в статье «Литературное сегодня». Выпад против «сепаратистского» фрагментаризма Тынянов и Якобсон повторили и в своих пражских тезисах:

Необходимо отмежевание от академического эклектизма (Жирмунский и пр.), от схоластического «формализма», подменяющего анализ терминологией и каталогизацией, от повторного превращения науки о литературе и языке из науки системной в жанры эпизодические и анекдотические.¹¹

Характерен и сам перенос «жанровой» проблематики с литературы на литературоведение. В отличие от «Литературного сегодня», в котором Тынянов советовал Пильняку оползнуть дальше, в пражских тезисах пропагандируется возврат к системной цельности. Оползень превращается из образа тенденции (в прозе Пильняка) в образ-диагноз.

В связи со словесным оформлением образа обращает на себя ритмическая и аллитерационно-паронимическая фигура «общий оползень Оползень», подкрепленная в соседних предложениях словами на *об/оп*: *обострением, опознавал, операций, описью*. Перед нами продолжение словесной игры с фоноритмическими и паронимическими ресурсами слова «оползень», начатой Тыняновым в статье «Литературное сегодня». В данном контексте вспоминается кодовое «домашнее» название совместных положений Якобсона и Тынянова, опубликованных после встречи в Праге, — «опоязисы», возник-

11 Якобсон, 1999, с. 61–62.

шее из наслоения: *опояз + тезисы = опоязисы*. На заднем плане неологизма присутствует и игра со словесной парой: *опояз(ис)-кризис*.¹² Другими словами: пражские тезисы должны вывезти Опояз из его кризиса-оползня.¹³

Оползень норм и быт (1930)

Следующим употреблением образа оползня, причем уже в сочетании «оползень норм», является статья Яacobсона «О поколении, растратившем своих поэтов», явившаяся откликом находившегося в Праге Яacobсона на смерть Маяковского и последовавшие за ней некрологи. Статья Яacobсона, программно выходящая за рамки филологических вопрошаний, — инвективная; обвинительная интонация заявлена уже в названии.¹⁴ Обличительно-ностальгическая дикция довлеет над поэтологическими замечаниями статьи. Гневно перифразируя и пародируя критиков и исследователей Маяковского

12 Такие самоироничные словесные шарады были неотъемлемой чертой литературоведческого быта опоязовцев. Так, в контексте пражских проектов-тезисов о выходе-возрождении Опояза из кризиса-оползня возникает шуточное стихотворение Тынянова, обращенное к Пушкину, в котором опять же (на этот раз — в рифменных позициях-опозициях) обыгрывается фоника Опояза: «Был у вас/Арзамас,/Был у нас/Опояз/И литература./Есть „заказ“/Касс./Есть „указ“/Масс./Есть у нас/Младший класс/И макулатура.//Там и тут/Институт/И Гублит,/И Главлит,/И отдел культурный,/Но Главлит/Бдит/И агит/Сбит;/Это ж все быт./Быт литературный» (цит. по: Яacobсон, 1999, с. 64). В этой шутке Тынянов, обыгрывая ключевые понятия околотитературных споров и литературных институтов, фоноритмически и графически имитирует стих Маяковского, по крайней мере, в подаче Яacobсона, который публикует его фирменной лесенкой Маяковского.

13 Ср. также метафорику склеивания Опояза в письме Яacobсона Тынянову от 09.02.1929, написанного по свежим следам пражской встречи (ср. Галушкин, ред. 1999, с. 129, прим. 7), которая, как нам представляется, подхватывает и переосмысляет образность распада и склеивания из «Литературного сегодня».

14 Статья — спорная, при чем споры о ней не утихают до сих пор. Репрезентативен отзыв Богатырева: «Ты никогда ничего сильнее и глубже не напишешь» (цит. по С.И. Гиндин, 1999, «К истории создания и восприятия статьи „О поколении, растратившем своих поэтов“»: Письмо Р.О. Яacobсона Х. МакЛейну», Роман Яacobсон, *Тексты, документы, исследования*, под ред. Х. Барана, Москва, с. 161–66, с. 165). Статью высоко ценили Шкловский, Эренбург, Бем, Савицкий, Мандельштам и др. Если для одних статья является чуть ли не лучшим, что написал Яacobсон, то у других ее пафосная эмоциональность вызывала недоумение. В любом случае, статья риторически отлична от других работ Яacobсона данного периода. Так, она не была включена в «Избранное» Яacobсона 1989 года, скорее всего, в силу своих жанрово-стилистических особенностей.

го, Якобсон обвиняет поколение родившихся в 1890–1900-е годы в растрате или даже косвенном и прямом убийстве современных поэтов, от Гумилева, Блока и Хлебникова до Есенина и Маяковского.¹⁵ По мнению М. Вайскопфа, якобсоновская «интерпретация должна [была] снять с советского режима [ответственность за] гибель Маяковского, переложив ее на общество, на „поколение“».¹⁶ Вайскопф показывает, что Якобсон сочувственно цитирует в данной связи слова Шкловского о том, что «государство не отвечает за гибель людей». В то же самое время, не идя на открытую конфронтацию, Якобсон позволяет себе выражения и рассуждения, получающие политическую окраску. Тон его обвинений и сам выбор слов — резкий и прямолинейный, причем эта прямолинейность в современной советской печати уже невозможна: так, Якобсон прямо говорит о «расстреле Гумилева»: ¹⁷ на дворе «юбилейный» 1931 год — десятилетие гибели поэта. Якобсон сочувственно цитирует опального Замятина,¹⁸ который в 1931 году эмигрирует во Францию.

«Антисоветской» статью Якобсона однозначно назвать нельзя, хотя она и возникает в период интенсивного общения Якобсона с эксплицитными «антисоветчиками», например, с Трубецким.¹⁹ На советский вкус, чересчур педалирована религиозность поэтической мифологии Маяковского вообще и ее императивная эсхато-

15 Якобсон развивает свою инвективу, обыгрывая пассив-актив корневой пары утрата — растрата, причем работает со всем регистром ассоциаций и коннотаций, от высокого пафоса утраты до обвинений в растрате, не лишенных, как нам представляется, актуальных политико-криминальных (и литературных) ассоциаций с растратой и растратчиками. Ассоциации с политизированной повестью Катаева «Растратчики» (1926) и ее драматической версией (1928) еще были свежи, по крайней мере, в сознании пишущего статью Якобсона, находящегося за границей и воспринимающего события советской политической и литературной жизни с определенным опозданием.

16 См. М. Вайскопф, 2003, *Птица тройка и колесница души*, Москва, с. 492.

17 Ср. Р. Якобсон, 1975, «О поколении, растратившем своих поэтов», Р. Якобсон & Д. Святополк-Мирский, *Смерть Владимира Маяковского*, The Hague, с. 8–34; с. 9.

18 Якобсон, 1975, с. 9.

19 На 1929–31 гг. приходится пик увлечения Якобсоном евразийскими лингвистическими концепциями. Об идейных связях Якобсона с С.П. Савицким см. П. Серю, 1999, «Лингвистика географов и география лингвистов: Р.О. Якобсон & П.Н. Савицкий», Роман Якобсон, *Тексты, документы, исследования*, под ред. Х. Барана, Москва, с. 348–53.

логичность в частности.²⁰ Якобсон говорит о том, что для Маяковского «термины классовой борьбы—только условные уподобления, только приблизительная символизация, один из планов, *pars pro toto*».²¹ Возможно, Якобсон не осознавал всю степень еретичности (интерпретационных возможностей) подобного рода рассуждений после изменений металитературного дискурса в 1930 году.

По-видимому, адресат уточнения о вторичности терминов классовой борьбы в лирике Маяковского—его эмигрантский читатель: статья «О поколении...» предназначалась для сборника откликов на смерть Маяковского за рубежом. Якобсон хочет реабилитировать Маяковского, снять с него ярлык официального советского поэта. Но косвенно он тем самым умаляет его «советскость», которая в ближайшие годы станет канонической. Статья Якобсона с советской точки зрения может быть прочитана как эмигрантская, с покушением на канонизируемую революционность Маяковского. Якобсон сознательно или нечаянно идет на конфронтацию с официальной советской критикой. Статья риторически и идеологически выпадает из советских откликов на смерть Маяковского. Ее революционный напор, стилистически уместный в 1920-е годы, выглядит в 1930 году опасным анахронизмом. Ситуация литературной критики и литературоведения меняется в СССР на глазах. Здесь наши соображения частично сходятся с мнениям С.И. Гиндина и Х. МакЛейна (Hugh McLean), что статья Якобсона «О поколении...»—«рубежная»: она «должна была сделать его врагом в глазах отечественных властных инстанций и всех ревнителей официальной идеологии».²² Пospорить можно лишь с формулировкой «должна была сделать...», вместо которой мы бы предложили более пассивную «могла сделать...». Как нам представляется, открытая конфронтация не входила в планы Якобсона: и в 1930-е гг., и в 1950-е гг. Якобсон старался не закрывать для себя возможности возвращения в СССР. В этом положении потенциального возвращенца он продолжал находиться до самой смерти.

За спиной бывших опоязовцев—антиформалистские кампании, уже написана полупокаянная статья Шкловского «Памятник науч-

20 Ср. Якобсон, 1975, с. 20–23.

21 Ср. Якобсон, 1975, с. 14.

22 Ср. Гиндин, 1999, с. 164–65.

ной ошибке» (1930).²³ Статья Якобсона представляет собой не только стилистический, но и тематический анахронизм: центральным для нее, точнее, для Маяковского в понимании Якобсона, является противостояние быту: категория (или проблема) быта, которая активно дискутировалась и тематизировалась в литературе и литературной критике 1920-х годов, к началу 1930-х постепенно утратила свою актуальность.²⁴ Быту противопоставляется бытие—Якобсон играет этимологическим родством этих категорий: заземляющему настоящему противостоит футурологически-эсхатологическая перспектива воскресения; подспудно возрождается, в новом концептуализированном виде раннеформалистская жанровая оппозиция проза—поэзия. «Рецидив» параромантической риторики бунта и неосимволизма смешивается с уходами в культурософию (ср. отсыл к Чаадаеву в нижеследующей цитате).²⁵ Этот дискурсивный коктейль замешивается на языке жанрово-поэтологических дихотомий опоязовских концептов: Якобсон прямо и косвенно обращается к спорам середины 1920-х годов и тыняновским статьям о судьбах советской поэзии и прозы «Литературное сегодня» и «Промежуток».

О полемике Якобсона с тыняновским «Промежутком» уже писалось.²⁶ Мы присоединяемся к наблюдению М. Вайскопфа, что Якобсон, до этого рассматривавший поэзию Маяковского как «проблему языка», меняет регистр и переводит все «в психологический и биографический ряд».²⁷ В этом смысле статья «О поколении...»—авторевизия Якобсона. По большому счету, Якобсон оспаривает саму легитимность и адекватность формалистского (или предструктуралистского) подхода к творчеству Маяковского. Якобсон-футурист борется с Якобсоном-филологом. В то же самое время, статью Якобсона, тематизирующую «содержание» стихов Маяковского, можно

23 Об истории возникновения статьи Шкловского см. Галушкин, 2000.

24 В рамках настоящей статьи у нас нет возможности подробно останавливаться на тематике «быта» (вообще и у Якобсона в частности), тем более, что ей уже были посвящены не потерявшие актуальности соображения Вайскопфа (ср. Вайскопф, 2003, с. 491–93).

25 Может быть неожиданный дискурсивный уклон статьи в культурософию связан с евразийским влиянием Трубецкого?

26 Ср. Вайскопф, 2003, с. 488–91.

27 Ср. Вайскопф, 2003, с. 489–90.

рассматривать и как — пусть и риторически курьезное — выражение уклона в протоструктурализм с его (структурализма, в отличие от опоязовского формализма) приматом семантики.

Якобсоновские дихотомии можно свести к следующей оппозиции: проза быта настоящего — поэзия будущего бытия. Как раз в ходе разговора об оппозиции быту и появляется образ оползня норм:

Творческому порыву в преображенное будущее противопоставлена тенденция к стабилизации неизменного настоящего, его обрастание косным хламом, замирание жизни в тесные окостенелые шаблоны. Имя этой стихии — *быт* [курсив Якобсона — Г.К.]. Любопытно, что в русском языке и литературе это слово и производные от него играют значительную роль [...] а в европейских языках нет соответствующего названия — должно быть, потому, что в европейском массовом сознании устойчивым формам и нормам жизни не противопоставлено ничего такого, чем бы эти стабильные формы исключались. Ведь бунт личности против косных устоев общежития предполагает их наличие. Подлинная антитеза быта — непосредственно ощутительный для ее участников оползень норм. В России это ощущение текучести устоев, не как историческое умозаключение, а как непосредственное переживание, исстари знакомо. Уже в чаадаевской России с обстановкой „мертвого застоя“ сочетается чувство непрочности и непостоянства [...].²⁸

По-видимому, экскурс в непереваемость *быта* — более поздняя вставка. Статья была написана по-русски (1930), но впервые опубликована по-немецки.²⁹ Не исключено, что работая над переводом статьи на немецкий язык для пражского журнала «*Slavische Rundschau*», Якобсон и обратил внимание на трудности перевода слова *быт*. Или внимание Якобсона на непереваемость *быта* обратил неизвестный переводчик статьи? Известна шутка западных филологов о том, что Якобсон, «свободно говорит по-русски на семи языках».³⁰ Как нам представляется, у некоторых предложений ста-

28 Якобсон, 1975, с. 12.

29 Об истории публикации см. Гиндин, 1999.

30 Ср. А.К. Жолковский, 1999, «Роман Осипович Якобсон (из мемуарных запи-

тьи (типа «должно быть, потому, что в европейском массовом сознании устойчивым формам и нормам жизни не противопоставлено ничего такого, чем бы эти стабильные формы исключались») — немецкая синтаксическая калька. Скорее всего, для берлинского издания «Смерти Маяковского» (1931) Якобсон дорабатывал свою первоначальную русскую версию обратным переводом с немецкого. В связи с экскурсом в неперебиваемость понятий ср. также соответствующий пассаж в «Заметках о прозе поэта Пастернака».³¹

Характерно, что исследователи, иллюстрируя мысль якобсоновской статьи, часто цитируют именно этот абзац, содержащий образ оползня норм:³² в нем сконцентрированы главные идеи Якобсона. Это заставляет глубже разобраться в центральной для этого пассажа метафоре оползня норм. Оползень норм — положительный противовес быту, «динамика» оползня противостоит статике быта. В якобсоновском термине-образе оползня отсутствует, как и у Тынянова, элемент актива, активности динамики: нормы оползают сами.³³ В то же самое время сам быт характеризуется как «стихия», а стихия подразумевает хаотическое движение. Стихийной статике быта противостоит динамический пассив оползня.

Петроградские формалисты (Тынянов, Эйхенбаум, Шкловский) практически не работали с понятием нормы и нормирования. Определенным эквивалентом нормы у опоязовцев является понятие канона: ср. хотя бы их концепции о канонизации младших жанров. Причем оно не было коннотировано негативно. Слово «норма», во-первых, — из вокабуляра лингвиста; во-вторых, в устах лингвиста-футуриста Якобсона оно звучит оценочно. Так, уже в статье «О новейшей русской поэзии» Якобсон критикует «требование [символистов] консервировать язык поэтов прошлого, навязать, как норму, их словарь, синтаксис, семантику».³⁴ Семантически зарифмованные нормы и формы³⁵ — принадлежности мертвящего

сок)», Роман Якобсон, *Тексты, документы, исследования*, под ред. Х. Барана, Москва, с. 269–78; с. 270.

31 См. Р. Якобсон, 1987, *Работы по поэтике*, под ред. М.Л. Гаспарова, Москва, с. 330.

32 Ср. например, у Вяч. Вс. Иванова, 1987, «Поэтика Романа Якобсона», в кн. Якобсон, 1987, с. 5–22; с. 16.

33 В то же самое время Якобсон в дальнейшем местами возвращается к метафоре оползня — сдвига. Ср. Якобсон, 1975, с. 12.

34 См. Якобсон, 1987, с. 289.

35 Ср. в данной связи негативное употребление слова «форма» в неформалист-

быта, его синонимы. Пассивный, но динамичный оползень выступает единственной альтернативой статике ненавистного—Маяковскому и Якобсону—быта.³⁶ Применение образа оползня к норме (нормам)—метонимическое расширение. В тыняновской статье предполагалось наличие норм-границ жанра, которые оползают в прозе Пильняка. Якобсон в своей статье о Маяковском переносит жанровую, историко-литературную проблематику «оползня» на общекультурные процессы. Промежуточным звеном был «оползень Оползая»: радиус действия метафоры расширяется.

Оползень нормы (1934)

В 1934 году в журнале «Slavische Rundschau» выходит статья Якобсона «Slavische Sprachfragen in der Sowjetunion». Статья Якобсона, обличенная в форму рецензионного обзора советских филологических публикаций последних лет, представляет собой, с одной стороны, апологию нормирования литературного языка, с другой—критику националистско-сепаратистских тенденций в украинском и белорусском языкознании. Уже в самом начале своей «рецензии» Якобсон программно заявляет о том, что к славянскому языковедению относятся не только вопросы прошлого и настоящего славянских языков, но и его будущего. Наука о языке (Sprachkunde)—«это не только реконструкция существующего материала, но и «языко-строительство» (Sprachaufbau): подобно тому, как социальное строительство (в СССР) принимает все более плановый, целеустремленный характер, так и жизнь языка подлежит планированию и регламентации.³⁷ На этом Якобсон заканчивает первую часть своего «обзора» полемики вокруг нормирования литературного языка

ском значении: структуралистский курс Якобсона предполагал отказ от ключевых слов формализма. Конечно, к 1930 г., после кампаний против формализма, слово «форма», пусть даже в другом значении—табуировалось.

36 Возможно, Якобсон помнил и об использовании образа оползня («страшный оползень годов») в поэме Маяковского «Человек» (В. Маяковский, 1955, *Полное собрание сочинений в тринадцати томах*, том первый, Москва, с. 261), причем в главе «Маяковский в небе», получившей особое звучание после смерти поэта. Образом «оползня годов» Маяковский остранил метафору течения времени, автоматизированную до идиоматичности. Именно временной оттенок использования образа оползня Маяковским, отличный от якобсоновского, как нам представляется, говорит в пользу тыняновского подтекста.

37 Ср. R. Jakobson, 1934, «Slavische Sprachfragen in der Sowjetunion», *Slavische Rundschau* 6 (5), с. 324–43; с. 324–25.

и переходит к вопросам белорусской и украинской лингвистики. Здесь наблюдается сходная с первой частью риторика: сначала происходит экскурс в дореволюционные годы, затем анализ послереволюционной ситуации, современное положение и перспективы.

Якобсон сочувственно цитирует пуристские высказывания ученых, писателей и политиков, от Якубинского, Щербы и Алексея Толстого до Калинина.³⁸ Центральным объектом скрытой и эксплицитной цитации и перифразирования в рассуждениях Якобсона, защищающих новое нормирование, является, по нашему убеждению, высказывания Горького,³⁹ причем главным образом, его фундаментальная для дискуссии о новом литературном языке статья «О языке». Ее параллельная публикация в «Правде» и «Литературной газете», с одной стороны, вывела дискуссию на новый институционный уровень,⁴⁰ с другой—по сути передала Горькому право формулировать официальную точку зрения на вопрос. В статье Якобсона обращает на себя внимание как цитирование власть имущих ранга Калинина и Постышева, так и поддержка возвращенцев Толстого и Горького: возможно, в 1934 году Якобсон, пражское положение которого становилось все более шатким, играл с мыслью о возвращении.

С чем связан сам факт написания статьи и практически безоговорочное принятие Якобсоном официальной точки зрения на вопросы нормирования литературного языка и критика националистских тенденций в украинском и белорусском языкознании? Свою агитационно-апологетическую статью Якобсон больше не переиздавал: по каким причинам?⁴¹ По нашему предположению, от-

38 Ср. Jakobson, 1934, с. 327; с. 328; с. 329; с. 330–31.

39 Ср. Jakobson, 1934, с. 327–30.

40 Ср. Н. Günther, 1984, *Die Verstaatlichung der Literatur*, Stuttgart, с. 55.

41 Не издавал он и по-своему (по-иному) «конъюнктурную» статью «Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik». Об этой статье см. Н.С. Автономова и М.Л. Гаспаров, 1999, «Якобсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры, 1929–1953», в кн. Якобсон, 1987, с. 334–40. На 1934 год приходится и определенный кризис научных отношений между Якобсоном и Н.С. Трубецким. О взаимном нецитировании обоих в статьях о русском глаголе см. В.С. Храковский, 1999, «Р.О. Якобсон и Н.С. Трубецкой: творческие контакты», Якобсон, в кн. Якобсон, 1987, с. 341–47. Как нам представляется, у этих научных расхождений была своя внаучная подоплека: Трубецкому, негативно настроенному к советской власти (метонимически и к советской науке) не

вет на эти вопросы нужно искать в кардинальных изменениях ореола Якобсона в восприятии официальных советских инстанций. В октябре 1933 года в Москве фабрикуется процесс о «Российской национальной партии», также известный как «дело славистов». Среди арестованных — сотрудник иностранного отдела Главлита Михаил Наумович Скачков. Белоэмигрант Скачков, знакомец Якобсона, был перевербован на советскую сторону и перешел на работу в советское торгпредство в Праге в 1925 году (не исключено, что при участии Якобсона), в 1926 году вернулся в Россию. В показаниях Скачкова, как и других подследственных, постоянно фигурирует имя Якобсона.⁴² Как раз после показаний Скачкова к делу были привлечены слависты Николай Николаевич и Андрей Николаевич Дурново. Николай Дурново, учитель Якобсона, стал центральной фигурой процесса. За Андреем Дурново 31 декабря 1933 года арестовывают его невесту, Варвару Трубецкую, племянницу Николая Сергеевича Трубецкого, затем — его младшего брата Владимира.⁴³ Дело принимало «евразийский» оборот, наиболее опасный для Якобсона.

Чего и кого хотел достичь своей статьей Якобсон? Хотел он лишь реабилитироваться в глазах вершителей языковой политики СССР, оставляя для себя лазейку для возможного возвращения? Или пытался облегчить участь своих арестованных друзей и коллег?⁴⁴ Трудно дать однозначный ответ на эти вопросы. Скорее всего, и то и другое.

Образ оползня норм — ключевой в апологической аргументации Якобсона. Подготавливая появление образа «оползня норм», он говорит о том, что Революция смысла (*hat fortgeschwemmt*) всевозмож-

могла понравиться интеграционная статья Якобсона. В свою очередь и Якобсону нужно было быть поосторожнее при цитировании лингвистов, имеющих такую явную политическую репутацию, как Трубецкой.

42 Ср. Ф.Д. Ашнин & В.М. Алпатов, 1994, «Дело славистов»: 30-е годы, Москва, с. 10–11.

43 Ср. Ашнин & Алпатов, 1994, с. 14.

44 Якобсон начинает с констатации «неурожайности» последних советских работ в области как западно- и южнославянского, так и восточнославянского языкознания (ср. Jakobson, 1934, с. 324). Исключение, по мнению Якобсона, представляет собой литературоведческая книга Николая Кравцова «Сербский эпос» (1933). Понимал ли Якобсон, что, упоминая арестованного Кравцова, он, скорее навредит ему, чем поможет?

ные цензурные преграды и плотины. Далее Якобсон, в статье «О поколении...» всячески релятивировавший использование Маяковским «терминов классовой борьбы»—сам перенимает актуальную—для советского металингвистического пространства—риторику классового подхода к вопросам языка: Революция забрала у господствующих классов монополию на язык как главный инструмент культуры, произошла демократизация культурных ценностей, что косвенно привело к расшатыванию (или разрухе) языковой нормы (*Zerrüttung der Sprachnorm*) и вульгаризации речи, в письменный язык устремился поток разнородных арготизмов. Расшатывание языковых устоев и нарушение лексических, фразеологических и синтаксических шаблонов имело смысл и воздействие до Революции, в поэзии модернизма (Якобсон называет имена Белого, Хлебникова, Маяковского),⁴⁵ но после Революции ситуация изменилась:

Kühne Wagnisse und Normverletzungen sind wirksam, wenn ein klarer, unerschütterlicher Sprachkanon vorhanden ist, der dem Dichter sowohl wie dem Leser gleich wahrnehmbar ist, aber in einer Zeit des revolutionären Erdrutsches der Norm verlieren sie ihre Stoßkraft.⁴⁶

Якобсон остается в рамках формалистской интерпретации механизмов литературного процесса: он почти дословно повторяет и разворачивает замечание Шкловского из концовки программной статьи «Искусство как прием» о том, что если «нарушение войдет в канон, то оно потеряет силу своего затрудняющего приема».⁴⁷ В данном случае каноном оказывается само разрушение канона, сам оползень нормы. Где же выход из этой канонической деканонизации? Мы помним совет Тынянова из статьи «Литературное сегодня»—оползай дальше. Якобсон находит для апологетики нового

45 Ср. Jakobson, 1934, с. 326.

46 Jakobson, 1934, с. 326. («Рискованные смелости и нарушения нормы действительны, когда существует ясный, незыблемый языковой канон, ощущаемый как поэтом, так и читателем, но во времена революционного оползня нормы они теряют свою ударную силу».)

47 Ср. В. Шкловский 1969, «Искусство как прием», *Texte der russischen Formalisten*, том 1.: *Texte zur allgemeinen Literaturtheorie und zur Theorie der Prosa*, под ред. Ю. Стридера, München, с. 2–35; с. 34.

языкового нормирования формалистские аргументы. Демократическая погоня за оригинальностью привела к инфляции оригинальности и обесцениванию самой деканонизации, т.о. новое нормирование оказывается самым логичным и действенным острашением. Не так давно еще действенная форма была заменена отрицанием форм, на повестке дня— третий этап— отрицание отрицания (Negation der Negation).⁴⁸

Якобсон говорит не об отмене художественного новаторства, а об его регуляции (Regulierung der Neuerungen). Формалистскую аргументацию Якобсона можно развивать дальше: именно канонизация дает возможность дальнейших острашений: во-первых, возможными становятся будущие деканонизации этого канона (и этим путем пошла альтернативная советская литература), или же парадоксальным образом, внутри самого нормированного соцреализма наибольшим острашением будет тогда эпигонство, слепое следование канону. В данной связи напрашиваются параллели между ситуацией литературы 1920-х годов и постперестроечной. Кажется, что перенос формалистской схемы работает: за оползнем норм 1990-х начинается новая реакция 2000-х. Аналогия вводит в заблуждение: в отличие от соцреализма, современная «реакция»— тупиковая; новое нормирование 2000-х годов— лжеострашение, потому что сам переход от периода оползния норм, деканонизации и т.д. к нормированию уже известный, узнаваемый, автоматизированный прием. Ситуация литературы сегодня сложнее, чем в 1920-е годы: она, с одной стороны, не может больше эффективно и эффектно экспериментировать и оползнуть, с другой стороны, не может искать нового канона, потому что сам прием новой канонизации— автоматизирован. Формалистские схемы развития литпроцесса приложимы и к самой филологии: с одной стороны, деконструкция острашила структурализм, с другой стороны, сам постструктурализм стал каноном и автоматизировался. Деконструкция и ее дериваты (постколониализм, гендерные штудии) привели (пусть и частично) к инфляции методологических неологизмов. Альтернативой уходу в метариторическую заумь оказываются методологические архаизмы, от позитивизма до структурализма. Центром этих новых старых методологических аллюзий вновь становится формализм.

48 Ср. Jakobson, 1934, с. 331.

Подвожу итоги: константным в образе оползня (нормы) является обозначение тенденций к деканонизации в литературе 1920-х годов. Однако уже в тыняновском первоисточнике, работающем на границе теории литературы и литературной критики, проявляется амбивалентность образа: статус термина-концепта разъедает метафорическая сторона оползня с ее негативным потенциалом распада. Оползновцы — деканонизаторы филологической науки, прокламирующие автономность литературного ряда и критикующие любые уклоны в социологизм, — приходят в лице Якобсона к использованию образа в социокультурных целях: будь то критика быта или же апологетика нового нормирования. Формалисты настойчиво умалчивали референтность литературы. В конце 1920-х — начале 1930-х годов этот вытесненный референт в лице грозной советской действительности заявил о себе во весь голос. В истории употребления образа оползня нормы застыл трагедический оползень самого Оползая.⁴⁹

49 Вместо эпилога: Во второй половине 2005 года умерли сразу пять известных российских филологов: Сергей Старостин, Александр Чудаков, Михаил Гаспаров, Владимир Топоров и Елеазар Мелетинский. «Новое литературное обозрение» посвятило памяти исследователей целый номер журнала (2006, №77). Некрологическо-мемуарная подборка заканчивалась статьей Мариэтты Чудаковой «Обвал поколений» (М. Чудакова, 2006, «Обвал поколений», *Новое Литературное Обозрение* 77, 260–68). В своей заметке Чудакова сравнила лавины утрат 2005 года с потерями конца 1950-х, когда умерли Томашевский (1957) и Эйхенбаум (1959) и с концом 1960-х, когда один за другим умирали Виноградов (1969), Чуковский (1969), Пропп (1970), Оксман (1970), Конрад (1970) и Жирмунский (1971) (ср. Чудакова, 2006, с. 260–62). В названии «Обвал поколений» повторяется не только образ оползня-обвала, но и тема поколения, ведущая свое начало от статьи Якобсона памяти Маяковского. Напомним лишь, что Чудакова является не только исследователем откликов на смерть Маяковского (ср. М. Чудакова, 2002, «Самоубийство как дуэль и „список Герцена“ в литературном сознании советского времени (Пушкин—Лермонтов—Есенин—Маяковский)», *Тыняновский сборник* 11, с. 344–65), но и крупнейшим знатоком истории Оползая. Так, Мариэтта Чудакова была соредактором сборников Тынянова (1977) и Эйхенбаума (Б. Эйхенбаум, 1987, *О литературе: Работы разных лет*, Москва), которые до сих пор служат образцом историко-научного и библио-текстологического комментария к работам оползновцев. По сравнению со статьей Якобсона 1930 г. метафора переосмыслиется: уже не поколения растратили Маяковского и своих поэтов, а русская филология. Интертекстуальность статьи Чудаковой — горькая. Для темы нашего сообщения важно, что образ оползня-обвала (норм, поколений) продолжает жить своей жизнью, основы которые были заложены в металитературных и металитературоведческих описаниях оползновцев.